

Алексей Тулин

ТРАНСПЕРСОНАЛЬНАЯ
ПСИХОЛОГИЯ.
НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Алексей Тулин

Трансперсональная психология. Новые подходы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9811423

Тулин А. Трансперсональная психология. Новые подходы.: ИГ «Весь»;

СПб; 2015

ISBN 978-5-9573-2791-2

Аннотация

Трансперсональная психология – новая наука, которая до недавнего времени была представлена в России только работами зарубежных авторов. Она описывает опыт измененных состояний сознания, выходящих за пределы привычного «Я», за границы времени и пространства. Алексей Тулин, квалифицированный психолог и основатель трансанализа, собрал воедино исследования российских и зарубежных ученых и сделал собственные – весьма любопытные! – выводы. Вы не только узнаете о практически всех новых значимых явлениях в психологии (начиная от квантовой концепции сознания и заканчивая методиками холотропного дыхания), но и поймете, как интегрировать теории трансперсональной психологии в жизнь. Это долгожданная книга для всех тех,

кто интересуется проблемами осмысления и исследования духовности и мистических практик в современной науке.

Содержание

Введение	6
Часть 1	9
Эпоха ЛСД	9
История советской и западной психологии	28
Представления о сознании в советской психологии	31
Л. С. Выготский	32
А. Н. Леонтьев	40
С. Л. Рубинштейн	44
Д. Н. Узнадзе	45
Представление о сознании в западной психологии	47
З. Фрейд	48
К. Г. Юнг	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Алексей Тулин
Трансперсональная
психология.
Новые подходы

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Введение

Трансперсональная психология, которая появилась в конце 60-х годов XX века, получила широкое распространение по всему миру. Сейчас существует огромное количество направлений в трансперсональной психологии. Одно из них – трансоанализ, и его создал я. Начиная с 2008 года, трансоанализ активно развивается, в результате чего уже правомерно говорить о моей собственной *научной школе трансоанализа и трансперсональной психологии*. Конечно, в этой области остаются проблемы, и некоторые теории еще не до конца сформулированы и требуют уточнения. Трансоанализ можно считать молодым научным направлением, до конца еще не сформированным, но имеющим уже устоявшуюся аргументированную научную базу.

Данная монография состоит из восьми частей и посвящена трансперсональной психологии, мистическим переживаниям, подсознательному, квантовой теории, парапсихологии и трансоаналитической концепции.

Первая часть рассказывает об истории трансперсональной психологии от эпохи ЛСД до создания трансперсонального направления в гуманистической психологии как за рубежом (Маслоу, Сутич, Гроф), так и нашими соотечественниками, учеными СССР и России.

Вторая часть посвящена современной трансперсональной

психологии и ее методам и психотехникам, которые широко распространились по всему миру и практикуются в России.

В третьей части обсуждается значение квантовой теории для трансперсональной психологии. Квантовую теорию принято считать основной научной парадигмой трансперсональной психологии. На страницах данной монографии я постараюсь обсудить это как можно более подробно.

Четвертая часть посвящена *измененным состояниям сознания* как объекту исследования трансперсональной психологии. Здесь излагается история изучения ИСС и уделено внимание современным исследованиям, как зарубежным, так и российским.

Пятая часть повествует о мистических переживаниях и мистическом опыте. В этом разделе я приведу подробную классификацию мистических переживаний и поделюсь своим мнением о мистическом опыте.

Шестая часть расскажет о состояниях сознания, имеющего шесть уровней, каждый из которых определяет глубину его «подводного айсберга».

В седьмой части речь пойдет об антропологии мистицизма, ее значении для общества, трансперсональной психологии и трансоанализа.

Восьмая часть посвящена новому направлению – *трансоанализ*, его значению для трансперсональной психологии. Трансоанализ исследует глубинные структуры психики и анализирует мистические состояния сознания.

Девятая, заключительная часть рассказывает о паранормальных исследованиях и их значении для трансперсональной психологии.

Надеюсь, эта монография будет интересна как психологам, этнологам, антропологам, так и психологам трансперсональной направленности. Думаю, что данная работа во многом нетипична в сравнении с другими книгами по трансперсональной психологии, которые в основном дают обзор направлений в психологии, антропологии, философии и даже в эзотерике и их влияния на трансперсонализм. Я нахожу поиск подобных зависимостей нецелесообразным. Трансперсональная психология должна иметь свою индивидуальность и неповторимость среди других психологических наук, собственную методологию, концепцию и практику. Возможно, изучая эту монографию, читатель по-другому взглянет на трансперсональную психологию. Ну что ж, тогда в добрый путь!

*Алексей Тулин,
Москва, 2013*

Часть 1

История трансперсональной психологии

Эпоха ЛСД

Как известно, ЛСД впервые был получен швейцарским химиком Альбертом Хофманом в 1938 году, в 1943 году случайно обнаружилось его психоактивные свойства, и с этого момента началась так называемая эпоха ЛСД, или психоделическая революция.

Про психоделическую революцию написано достаточно много статей и книг как в России, так и за рубежом, и здесь я только выскажу свое мнение по поводу эпохи ЛСД и ее главных участвующих лиц. Это прежде всего химик Альберт Хофман, дебошир Тимоти Лири, психоаналитик Джон Лилли, психиатр Станислав Гроф, писатели Кен Кизи и Олдос Хаксли. Все они по-своему были лидерами психоделической революции, кто-то как создатель, другой – популяризатор, учитель, лектор, «гуру», исследователь, но при этом все они вместе и каждый по-своему создавали новое движение.

Психоделическая революция 60–70 годов XX века, я полагаю, одно из самых неоднозначных явлений в истории. С

одной стороны – новые исследования сознания, возможный прорыв в психологии и психиатрии, личный мистический опыт, свобода, удовольствия, развлечения, беспечность, с другой – безумие и суицид, уголовные преследования и наркотическая зависимость. Масштаб этого культурного явления огромен, как и эмоциональный резонанс, но все же эксперимент был очень опасным.

Вряд ли Альберт Хофман, создавая вещество под названием ЛСД-25, думал о таких серьезных последствиях, которые потом возникнут. «Хофман, поначалу занимавшийся исследованиями средиземноморского морского лука, через некоторое время тоже переключился на спорынью. В течение восьми лет он методично синтезировал одну молекулу производных эрготамина за другой, проверял их на животных и, получив неблагоприятные результаты, принимался за следующую. Теоретически он хотел открыть новый аналептик – лекарство от мигрени...» [16]. А в итоге получил сильнейший галлюциноген ЛСД-25, который чуть не изменил весь мир. Сам Хофман вспоминал: «Для исследования гликозидов морского лука и первых работ над спорыньей я все еще пользовался старыми способами разделения и очистки времен Либига: частичной экстракцией, частичным осаждением, частичной кристаллизацией и им подобными. <...>

Лизергиновая кислота оказалась весьма нестойким веществом, и связывание ее с основными радикалами вызывало трудности. В конце концов я нашел способ – метод, извест-

ный как синтез Курциуса, работавший для соединения лизергиновой кислоты с аминами. <...>

В дальнейшем я применил свою процедуру синтеза, чтобы получить новые соединения лизергиновой кислоты, не выделяющиеся маточной активностью, но от которых, основываясь на их химическом строении, можно было ожидать других интересных фармакологических эффектов. В 1938 году я получил двадцать пятое вещество в этой серии производных лизергиновой кислоты: диэтиламид лизергиновой кислоты, в лабораторных записях сокращенно называвшийся ЛСД-25 (*нем.* Lyserg-saure-diaethylamid).

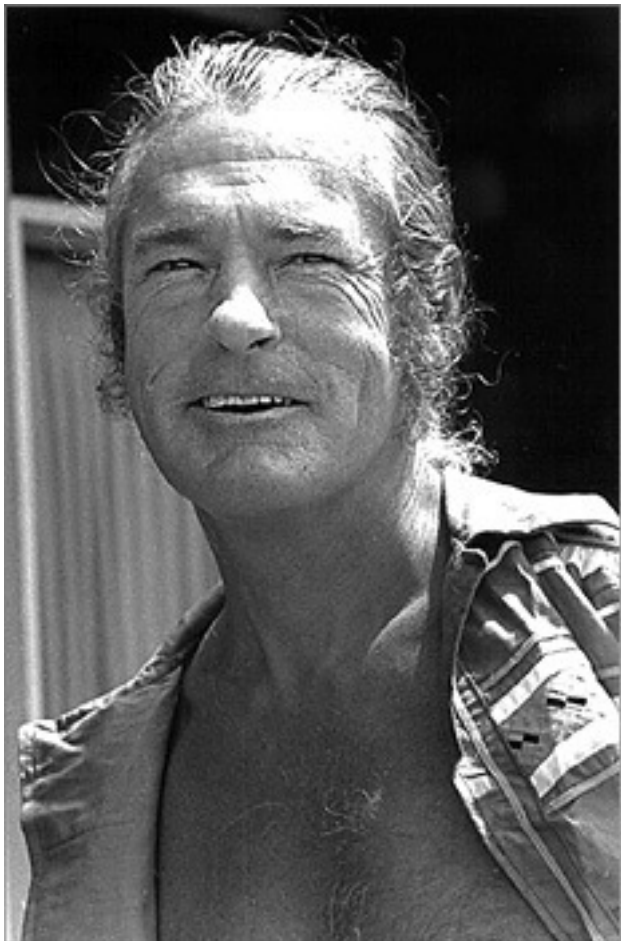
Я синтезировал это соединение, планируя получить стимулятор кровообращения и дыхания (аналептик). Диэтиламид лизергиновой кислоты мог иметь подобный стимулирующий эффект, поскольку по своей химической структуре имеет сходство с другим аналептиком, уже известным в то время, а именно с диэтиламидом никотиновой кислоты (корамином)» [55].

Хофман прожил долгую жизнь и умер в 102 года, войдя в историю как великий химик и отец ЛСД.

ЛСД продолжали исследовать, в первую очередь он был интересен психологам и психиатрам и применялся для исследования сознания. Человек, принявший ЛСД, впадал в состояние, похожее на шизофреническое, терялась ориентация в пространстве, появлялись яркие галлюцинации, которые последователи психоделической революции иной раз счита-

ли мистическим опытом или даже просветлением.

Одним из пионеров в экспериментах с ЛСД был Тимоти Лири, который проводил исследования на студентах Гарвардского университета, в результате чего был из университета изгнан. Сложно сейчас говорить, был ли причиной увольнения именно ЛСД или бунтарский характер самого Лири. Так, Стивенс, автор книги «Штурмующая небеса», пишет: «Когда в Гарварде узнали о „чуде в часовне“, им стало окончательно ясно, что Лири не собирается подчиняться правилам. Прошел даже слух, что на факультете богословия отвергнут диссертацию Панке. Некоторые требовали немедленного увольнения Уолтера Хьюстона Кларка из Эндовер-Ньютона. <...> Тот факт, что бедные молодые люди прекрасно провели время, а девятеро из них увидели Бога или обнаружили иные подтверждения существования высшей жизни, – совершенно не принимался во внимание» [16].

Тимоти Лири

«К черту гарвардскую психологию, хотелось крикнуть Лири, к черту всю вашу буржуазную науку! К черту вашу буржуазную религию! Наркотики, расширяющие сознание, – вот религия будущего XXI века. Исследовать сейчас религию без использования наркотиков – это все равно что вести астрономические наблюдения невооруженным глазом», – замечал Тим, который станет одним из главных новаторов.

«Он начал превращаться в мистика и поэта, – вспоминает Уолтер Хьюстон Кларк. – Тим почувствовал себя Прометеем – после того как сам пережил глубокий религиозный опыт, он стал ощущать призвание изменять других». Гарвард стал слишком узок для него, да и академическая наука тоже. Как вспоминает Кан, Тим «хотел уйти из науки. Я сказал ему, как говорил и прежде, и, мне кажется, это все тогда чувствовали: „Куда бы ты ни пошел, я пойду туда же. Иди вперед, и я последую за тобой“» [16].

Возможно, Тимоти Лири надо было вести себя чуть более сдержанно, однако не мне его за это судить. Случилось то, чему суждено было случиться. Тимоти Лири стал «ЛСД-гуру». Впрочем, с моей точки зрения, ничего хорошего из этого не вышло, поскольку через некоторое время Тима арестовали, посадили в тюрьму, а ЛСД запретили. На этом его личная психоделическая революция закончилась.

Однако в то же время ЛСД широко распространился среди тогдашней молодежи. Не зная техники безопасности, молодые люди стали применять его направо и налево, что ино-

гда заканчивалось весьма плачевно, в том числе нередким был летальный исход. По всей видимости, самому Лири на эти суициды было наплевать, и он не прекращал свою деятельность в качестве ЛСД-проповедника. И хотя некоторые, принимая ЛСД, впадали в помешательство или приобретали настоящую психологическую зависимость, а еще чаще попросту шагали из окна собственной квартиры, никого из лидеров ЛСД-движения это не волновало.

Вторым исследователем ЛСД можно по праву считать Джона Лилли. Психоаналитик, биолог, нейрофизиолог, он исследовал сознание с помощью ЛСД и создал свою многоуровневую числовую картографию сознания. Лилли, так же как Лири, считал ЛСД прорывом в изучении сознательного и бессознательного. Но, как бывает с ЛСД, мы ходим вокруг да около и ничего не находим. Конечно, Лилли создал интереснейшую картографию, но после запрета все его исследования были свернуты и он заинтересовался дельфинами, однако это уже другая история, и к нашей теме она не относится. Составление картографии сознания, измененного ЛСД, должно быть, было занятием интересным, но при этом лишенным перспектив, так как все «высшие» состояния, которые вызывают галлюциногены, ложны.

Джон Лилли

Кен Кизи и Олдос Хаксли по праву могут считаться если не гениальными писателями, то уж точно крупными фигурами литературного мира. Кен Кизи – автор легендарного романа «Полет над гнездом кукушки», который принес ему мировую известность.

Кен Кизи

Олдос Хаксли – автор романа-антиутопии «О дивный новый мир». Обе знаменитых книги были написаны на волне ЛСД-революции, которая сильно повлияла как на их авто-

ров, так и на тех, кто был рядом с ними в то время. Кен Кизи сформировал коммуну почитателей ЛСД «Веселые проказники», члены которой занимались исследованиями сознания, создавали новую философию, пропагандировали свободную любовь. Через некоторое время они купили старый школьный автобус *International Harvester* 1939 года, раскрасили в яркие цвета и колесили по Америке, рассказывая миру о новой ЛСД-философии и снимая фильм об этом путешествии.

Олдос Хаксли

Я полагаю, это было одно из самых романтичных и веселых приключений за всю эпоху ЛСД.

Школьный автобус International Harvester 1939 года выпуска. «Веселые проказники» назвали его Далше. Автобус «Далше» был единственным средством передвижения членов коммуны, фигурируя практически в каждом значимом событии периода ее существования. Последняя поездка была предпринята в 1969 году.

В отличие от Кизи, Олдос Хаксли писал свои романы дома, при этом тоже отражая в них философию ЛСД-революции. В его главном романе «О дивный новый мир» большинство психологических проблем люди решают с помо-

щью безвредного наркотика – сомы. По всей видимости, сома был прототипом ЛСД. Хаксли выступал одним из самых страстных приверженцев новой философии. Не будет ошибкой утверждать, что наибольшим образом на его литературное творчество, а писателем он был действительно одаренным, повлияла именно культура ЛСД. Тень ЛСД лежит на всем мировоззрении Хаксли, и в этом можно убедиться, читая его книги. Умер писатель от рака гортани, перед смертью попросив свою жену Лауру Арчер сделать ему внутримышечную инъекцию ЛСД – 100 мкг...

Станислав Гроф – один из последних ныне живущих представителей поколения исследователей ЛСД. Гроф занимался перинатальной психологией, и, по всей видимости, эта тема его очень интересовала. Часть своих идей он перенес в будущую трансперсональную психологию. Базовые перинатальные матрицы рождения являются одной из самых важных частей его теории. Вот что писал Гроф о ЛСД: «Он [ЛСД] появился еще до того, как ученые выработали определенную теоретическую систему взглядов, способную примирить мистический опыт с перинатальным. В процессе создания и разработки этой системы взглядов ЛСД, к сожалению, был нами утрачен» [16].

Несмотря на то, что Гроф не был так известен, как Тимоти Лири или Кен Кизи, он был близок к ним во взглядах и создал свою холотропную теорию на базе исследований ЛСД и перинатальной психологии. Еще в первой своей кни-

ге «Области человеческого бессознательного: данные исследований ЛСД» (1976) Гроф описал и базовые перинатальные матрицы, и систему конденсированного опыта, и трансперсональные переживания – все то, что мы сегодня знаем как картографию бессознательного С. Грофа. В дальнейшем данная картография легла в основу теории о холотропном дыхании, о нем я скажу ниже. Гроф исследовал действие ЛСД на умирающих от рака пациентах, считалось, что галлюциноген облегчал их душевные страдания. В результате ему удалось собрать действительно обширный материал, который Гроф использовал для написания своих будущих книг. После запрета ЛСД Гроф в 1975 году создал технику холотропного, или глубокого, дыхания. Сам метод был не нов. В начале 1970-х Леонард Орт разработал метод *ребёфинга*, который заключался также в глубоком дыхании. Поэтому можно сказать, что Гроф ничего принципиально нового не изобрел и лишь дополнил ребёфинг своей картографией бессознательного, созданной в ходе экспериментов с ЛСД. Сейчас Станислава Грофа многие последователи считают создателем трансперсональной психологии, а метод холотропного дыхания – главным в данном направлении. Так, например, в России участие в тренинге по холотропному дыханию у ведущих мастеров стоит несколько тысяч рублей. Данный метод «исследования бессознательного» достаточно популярен.

Шестого октября 1966 года вступил в силу закон о запре-

те ЛСД в штате Калифорния, за ним последовал запрет на ЛСД-терапию и в других штатах США. Так закончилась эпоха самого знаменитого галлюциногена.

В настоящее время среди представителей нью-эйдж, холистического движения трансперсональной психологии, ЛСД вспоминается достаточно редко. При этом в США издается журнал «МАРС», посвященный пропаганде и исследованиям ЛСД. Сейчас его переводной вариант на русском языке в свободном доступе выложен в интернете, его можно найти на сайте Геннадия Широкова и Татьяны Гинзбург (<http://prosvetlenie.daism.ru/zhurnal/maps>).

Татяна Гинзбург

Геннадий Широков

Трансперсональный психолог Татьяна Гинзбург – доктор психологических наук, наверное, одна из последних, по крайней мере известных мне, пропагандистов ЛСД. Эта про-

паганда критикуется со стороны ее коллег, трансперсональных психологов. ЛСД полностью запрещен на территории России.

Мое личное отношение к ЛСД двояко. Должно быть, интересно исследовать свой «Иной мир» с помощью такого сильнодействующего вещества, однако действительно неизвестно, чем все это может закончиться. Кроме того, в трансперсональной психологии появились более легальные и безопасные методы исследования подсознательного, вот почему нет больше смысла возвращаться к ЛСД.

История советской и западной психологии

В начале XX столетия психология в России заявила о себе, заняв достойное место в системе наук. Уходя своими корнями в две главные области научной мысли – философско-историческое и естественнонаучное знание, – в конце XIX – начале XX веков она превращается в самостоятельную дисциплину.

Огромное влияние на психологическую науку в России оказала мировая психология, проходившая тот же путь, но с некоторым опережением.

На волне интереса к психологии возникает стремление охватить ею и объяснить с ее позиций самые разнообразные явления и стороны жизни. В русских журналах появлялись, например, такие статьи, как «Психология театра» («Мир Божий», ц. 2, 1902), «Из психологии мысли и творчества» («Жизнь», ц. 1, 1901), «Мистика в области психологии» («Образование», ц. 7–8, 1900), «Душевная слабость и ее значение в общественной жизни и художественном творчестве» и многие другие.

Мощное течение в психологической мысли России было представлено так называемой *экспериментальной психологией*. Становление направления, базирующегося на экспериментальном методе исследования психических явлений,

осуществлялось под воздействием как общих тенденций развития мировой психологической науки, так и специфических социокультурных предпосылок и условий развития отечественного психологического знания [5].

Второе направление в психологии России начала XX века, *эмпирическая психология*, было представлено такими известными учеными, как М. И. Владиславлев, М. М. Троицкий, Н. Я. Грот, Г. И. Челпанов, А. П. Нечаев и др.

В целом можно сказать, что это направление психологии отличали непоследовательность и противоречивость методологических позиций, а кроме того, ориентация не на национальную традицию, а на современные европейские концепции и методы исследования психического [5].

В методологическом плане наиболее важными идеями, развиваемыми в рамках данного течения психологической мысли, являлись утверждение специфичности психических явлений в силу их независимости от явлений физиологического и физического ряда и приверженность идеям эмпиризма – то есть, говоря проще, признание необходимости опытного пути развития психологии и важности эксперимента как главного метода исследования психики интроспекции.

Религиозно-философская психология – направление, предвосхитившее современную трансперсональную психологию, достаточно мощное и влиятельное. Оно было представлено разнообразными концепциями и теориями, иногда существенно различающимися по ряду важных положений

и находящимися в состоянии полемики между собой. При этом все работы религиозно-философской психологии были основаны на идеях русской богословской и религиозно-философской мысли. И поэтому иногда в историко-психологических исследованиях данное направление в обобщенном виде обозначается как идеалистическая психология. Однако с позиции современности и учитывая ключевую роль понятия «душа» в концепциях данного направления, более точным определением для этого направления было бы *русская духовная* или *религиозно-философская психология* [5].

Традиции религиозно-психологического учения в конце XIX – начале XX веков были представлены преподавателями и философами духовных семинарий и академий, учеными религиозной ориентации: Никанором, архиепископом Херсонским, митрополитом Антонием (Храповицким), С. С. Гогоцким, В. С. Серебренниковым, Н. О. Лосским, В. И. Несмеловым, В. А. Снегиревым, П. Д. Юркевичем, В. В. Розановым, И. И. Лапшиным, С. Ф. Франком, Л. М. Лопатиным, С. Трубецким и Е. Трубецким и др. [5].

После революции 1917 года российская психология переживала сложные времена, ей пришлось подстраиваться под марксистско-ленинскую идеологию. Западная же психология продолжала активно развиваться. В результате этого развития возникло огромное количество направлений, наиболее известные из которых психоанализ, бихевиоризм, когнитивная психология, гештальт-психология, психосинтез и

трансперсональная психология. Многие из них после распада СССР стали очень популярны и в России [5].

Представления о сознании в советской психологии

Советская психология устанавливала четкую зависимость между сознанием и деятельностью человека. Об этом много писали Леонтьев, Рубинштейн и другие авторы советского периода. Советскую психологию того времени можно было определить следующим образом: «...сознание человека заключается в том, что человек развивается, трудясь; изменяя природу, он изменяется сам; порождая в своей деятельности – практической и теоретической – предметное бытие человеческой природы, культуры, человек вместе с тем изменяет, формирует, развивает свою собственную психическую природу» [34]. Именно эта фраза отражает принципы психологической науки советского периода наиболее отчетливо. В психологии советского времени все прозрачно и понятно. Здесь очень мало субъективного, туманного, нет такой вычурности, оригинальности, как в психологии западной, достаточно для примера привести таких известных ученых, как З. Фрейд, К. Г. Юнг, Р. Ассоджиоли, А. Маслоу и т. п. Посмотрим, что именно писали советские психологи о природе сознания.

Л. С. Выготский

Проблема сознания выступила для Выготского как одна из центральных на заключительном этапе его научной деятельности в 1931–1934-е годы. Он считал, что человеческое сознание – это не сумма отдельных процессов, а система, структура их, т. е. объединение психических функций, способностей и свойств личности. Ни одна функция не развивается изолированно. Развитие каждой функции зависит от того, в какую структуру она входит и какое место в ней занимает. Так, в раннем возрасте в центре сознания находится восприятие, в дошкольном – память, в школьном – мышление. Все остальные психические процессы развиваются в каждом возрасте под влиянием доминирующей в сознании функции. По мнению Л. С. Выготского, процесс психического развития состоит в перестройке системной структуры сознания, которая обусловлена изменением его смысловой структуры, т. е. уровнем развития обобщений. Вход бессознательных явлений в сознание возможен только через речь, и переход от одной структуры сознания к другой осуществляется благодаря развитию значения слова, иначе говоря – через обобщения.

Под системным строением Выготский понимал сложную совокупность отношений отдельных функций между собой, специфичную для каждой возрастной ступени. Смысловое

строение сознания он рассматривал как характер обобщений, посредством которых совершается осмысление человеком мира. Появление системного строения сознания Выготский связывал с возникновением речи. Развитие и функционирование психических функций, согласно Выготскому, может изучаться только в их взаимной связи и взаимной обусловленности: «Изменение системы отношений функций друг к другу стоит в прямой и очень тесной связи именно со значением слов» [7]. Однако эти отношения между системным («внешним») строением сознания и смысловым («внутренним») не являются обратными: внутреннее обуславливает внешнее, т. е. изменение смыслового строения (например, связанное с нарушением функции образования понятий) ведет к изменениям всей прежней системы психических функций.

Рассмотрение структуры сознания Выготский начал с изучения проблемы его системного строения, что было связано с исследованием развития высших психических функций в рамках реализации программы инструментальной психологии. Итоги этой работы он приводит, в частности, в книге «Педология подростка» (1931), которая одновременно явилась переходом к новому циклу исследований, связанных с впервые опубликованными в ней данными экспериментов по образованию понятий. Этими работами было положено начало изучению смыслового строения сознания. Дальнейшее развитие взглядов Выготского было направлено на выясне-

ние связей между системным и смысловым строением сознания в ходе индивидуального развития и на углубление исследования смысловой структуры сознания, что нашло свое выражение в монографии «Мышление и речь» [8].

Вторым компонентом строения сознания Выготским названо смысловое строение его. В качестве единицы анализа смыслового строения сознания Выготским было предложено *значение*. Значение (и понятие, его высшую форму) понималось им как средство осознания, как некий эквивалент операции, с помощью которой человек рационально оценивает и воспринимает данный предмет.

Необходимо отметить и другие подходы Выготского к проблеме единиц анализа сознания. Несмотря на то что выбор значения в качестве единицы анализа был очень удачен для его теоретической и экспериментальной разработки, Выготский не прекращал поиска иных вариантов, поскольку этот выбор не вполне согласовывался с одним из важнейших психологических принципов самого Выготского – принципом единства аффекта и интеллекта, за нарушение которого он критиковал прежнюю психологию. Поэтому для изучения сознания в работе «Кризис семи лет» (1933) он предлагает другую единицу – переживание (что было очень значимо методологически, но представляло большие трудности для экспериментального исследования), что, впрочем, достаточной проработки не получило. Так, одновременно с этим, переживание было представлено им и как единица анализа отно-

шений личности и среды.

Однако Выготский предлагал и другой путь реализации принципа единства аффекта и интеллекта, который позволяет оставить значение в качестве предмета психологического анализа. Этот путь в самых общих чертах намечается в заключительной, седьмой главе его последнего произведения «Мышление и речь» (1934). Исследуя проблему внутренних механизмов формирования значения слов, ученый вводит понятие смысла и обращается к вопросу о соотношении значения и смысла.

Значение слова по сравнению с его смыслом, согласно Выготскому, представляет собой более устойчивое и менее индивидуализированное образование, так что в некоторых отрывках можно видеть приближение понятия «смысл» по своему содержанию к понятию «индивидуального значения» (в терминологии Леонтьева). При анализе Выготским планов речевого мышления термин «смысл» получает интерпретацию через обращение к «мотивирующей сфере нашего сознания, которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции».

Сравнивая содержание понятия «значение» у Выготского и у Леонтьева, следует отметить, во-первых, что, хотя у обоих авторов значение является средством передачи общественного опыта, у Леонтьева основной упор делается на моменте знаний и представлений об объективном мире, а у Выготского – на способах осмысления и понимания этого мира

человеком. Во-вторых, у Выготского, в отличие от Леонтьева, значение наделялось чертами смысла, что, возможно, было обусловлено малой разработанностью его понятия смысла. Кроме того, у Выготского более узкой была сама предметная область данного понятия, поскольку он рассматривал сферу лишь вербальных значений.

Выготский вводит представление о мере общности каждого понятия, его положении в общей системе понятий, которое зависит от двух факторов – заключенного в понятии акта мысли (т. е. уровня абстрагирования) и представленного в понятии предмета: «Благодаря существованию меры общности для каждого понятия и возникает его отношение ко всем другим понятиям, возможность перехода от одних понятий к другим» [8]. Выготский формулирует закон эквивалентности понятий, согласно которому «всякое понятие может быть обозначено бесчисленным количеством способов с помощью других понятий», т. е. эквивалентность понятия означает его способность быть определенным через другие понятия. Разумеется, эквивалентность возникает только на достаточно высоких ступенях развития значений, при этом, поскольку она зависит от отношений общности между понятиями, каждая структура обобщения определяет возможную в ее сфере эквивалентность понятий.

Благодаря применению идей системности, т. е. включению каждого понятия в систему других понятий, Выготский смог еще более приблизиться к пониманию свойств и при-

роды значений.

Так, он приходит к представлению о значении как свернутой форме определенного движения мысли, как установке к такому движению: «Всякое понятие, изолированно возникающее в сознании, образует как бы группу готовностей, группу предрасположений к определенным движениям мысли. В сознании поэтому всякое понятие представлено на фоне соответствующих ему отношений общности. Мы выбираем из этого фона нужный для нашей мысли путь движения. Поэтому мера общности с функциональной стороны определяет всю совокупность возможных операций мысли с данным понятием» [8].

Системный подход дал «надежный критерий структуры обобщения реальных понятий», что позволило перейти от изучения экспериментальных понятий к реальным и раскрыть их новые свойства и внутренние связи между отдельными ступенями их развития, «самодвижение» понятий (на основе принципа «обобщения обобщений»). Исследование реальных понятий – научных (системных) и житейских (спонтанных, внесистемных) – помогло обнаружить «недостающее среднее звено» в связи предпонятий с понятиями (в контексте возрастного развития человека, от младшего школьника к подростку).

Итак, Выготский приходит к выводам о том, что для истинного понятия характерно такое качество, как системность (т. е. осознанность и произвольность), а развитие по-

нятий представляет собой, по сути, становление их системы. Таким образом, такая психологическая система, как сознание, со стороны своего смыслового строения выступает в концепции Выготского как система значений.

Выготский убедительно показал, что значения слов развиваются, в соответствии с этим происходит развитие смыслового строения сознания. В концепции Выготского основное внимание уделялось развитию отдельных значений, нежели целостной структуры сознания, единицами которой они выступают. Но, несмотря на это, возможно интегрировать отдельные высказывания Выготского именно о развитии смыслового строения в целом, о тех ступенях, которые предшествуют как более генетически ранние сознанию, единицей которого является значение в форме понятия (к сожалению, более или менее развернуто у него представлена лишь одна такая стадия, которая соответствует сознанию с единицей в форме комплекса, см. работы «Педология подростка», «Мышление и речь»). Отмечая, что проявления данного вида сознания встречаются как при распаде ведущих форм мышления (например, при шизофрении), так и в ходе нормального функционирования здорового человека – в сновидениях и в периферическом восприятии, – Выготский выдвинул идею о том, что прежние виды, типы сознания сохраняются у человека в качестве подстройки, в «снятом» виде в ведущих формах. Возвращаясь к рассмотренным выше представлениям Выготского о сознании как синтезе, мож-

но сказать, что Выготский предполагал существование наряду с обычным состоянием сознания в потенциальной форме и других способов организации психической жизни, иных модусов сознания (в основе образования которых лежит, в частности, мышление в комплексах). Они второстепенны и выходят на первый план лишь в случае ослабления или нарушения ведущего модуса.

Подводя итоги рассмотрению взглядов Выготского, следует отметить идеи, представляющиеся наиболее перспективными для дальнейшего изучения данной проблемы. Это, в частности, выделение системного и смыслового строения сознания; реализация принципа системности применительно к проблеме структуры сознания и рассмотрение сознания как способа организации психической жизни, определенного синтеза, совокупности связей и отношений между функциями, высшей ступенью развития которой является система; идея знакового строения психических функций как элементов сознания; значение в качестве аналитической единицы и ряд других. Например, разработка представлений о сознании как о способе организации душевной жизни позволит разрешить проблему единства сознания, последовательно изучить развитие сознания в онто- и филогенезе (включив в предмет исследования стадии формирования предпосылок собственно сознания), не только феноменологически расширить изучаемую область проблематики сознания (за счет явлений измененных состояний сознания), но и осуще-

ствить ее методологическую разработку, связанную с выявлением собственных детерминант сознания.

А. Н. Леонтьев

Леонтьев полагал, деятельность порождает сознание. «Первоначальное сознание существует лишь в форме психического образа, открывающего субъекту окружающий его мир, деятельность же по-прежнему остается практической, внешней. На более позднем этапе предметом сознания становится также и деятельность: осознаются действия других людей, а через них и собственные действия субъекта. Теперь они коммуницируются, означаясь с помощью жестов или звуковой речи. Это и является предпосылкой порождения внутренних действий и операций, протекающих в уме, в „плане сознания“. Сознание-образ становится также сознанием-деятельностью. Именно в этой своей полноте сознание и начинает казаться эмансипированным от внешней, чувственно-практической деятельности и более того – управляющим ею» [21]. Сознание, по А. Н. Леонтьеву, можно определить таким образом:

$C \rightarrow Д$

С – сознание

Д – деятельность

Теория А. Н. Леонтьева формировалась под существен-

ным влиянием марксистско-ленинской идеологии, а потому испытывает неизбежные ограничения. Так, в самой известной книге «Деятельность, сознание, личность» целый раздел посвящен марксистской психологии и анализу трудов Карла Маркса. Леонтьев подчеркивает: «К. Маркс заложил основы конкретно-психологической теории сознания, которая открыла для психологической науки совершенно новые перспективы» [21]. Правда, какие именно «перспективы» открыты для психологической теории, из этого высказывания не совсем понятно.

А. Н. Леонтьев рассматривает этапы становления сознания следующим образом.

1. Как открывающуюся субъекту картину мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния.

2. Как первоначальный психический образ, открывающий субъекту окружающий его мир. При этом деятельность остается практической, внешней. На более позднем этапе предметом сознания становится также и деятельность: осознаются действия других людей, а через них и собственные действия субъекта. Теперь они коммуницируются, означаясь с помощью жестов или звуковой речи. Это и является предпосылкой порождения внутренних действий и операций, протекающих в уме, в «плане сознания». *Сознание-образ* становится также *сознанием-деятельностью*. Таким образом, сознание эмансипируется от внешней, чувственно-практической деятельности и, более того, управляет ею.

3. Другое капитальное изменение сознание претерпевает в ходе исторического развития. Оно заключается в разрушении первоначальной слитности сознания трудового коллектива (например, общины) и сознания образующих его индивидов. Однако психологические особенности индивидуального сознания каждого человека могут быть поняты только через их связи с окружающим его социумом.

Структура сознания включает чувственную ткань сознания, значения и личностные смыслы.

Чувственная ткань сознания формирует конкретные образы реальности, актуально воспринимаемой или всплывающей в памяти, которая может быть отнесена к будущему или только воображается. Образы эти различаются по своей модальности, чувственному тону, степени ясности, большей или меньшей устойчивостью и т. д.

Особая функция чувственных образов сознания состоит в том, что они придают реальность сознательной картине мира, которую воспринимает человек. Именно благодаря чувственному содержанию сознания окружающий мир отделяется от сознания и осознается человеком как нечто внешнее, независимое от него самого.

Чувственные образы представляют всеобщую форму психического отражения, порождаемого предметной деятельностью субъекта. Однако только у человека чувственные образы приобретают новое качество, а именно – свою *означен-*

ность. Именно значения отличают человеческое сознание от сознаний других живых существ.

Значения преломляют мир в сознании человека. Хотя носителем значений является язык, язык – не демиург значений. За языковыми значениями скрываются общественно выработанные способы (операции) действия, в процессе которых люди изменяют и познают объективную реальность.

Значения представляют собой идеальную форму существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, вот почему значения сами по себе, т. е. поняты абстрактно, без преломления в индивидуальном сознании, столь же «непсихологичны», как и та общественно познанная реальность, которая лежит за ними.

Следует различать осознаваемое объективное значение и его значение для субъекта. В последнем случае говорят о личностном смысле. Личностный смысл – это значение того или иного явления для конкретного человека. Именно он создает пристрастность сознания. В отличие от значений, личностные смыслы не имеют своего «психологического существования».

Сознание человека, как и сама его деятельность, не является неким слагаемым входящих в него частей, т. е. оно не аддитивно. Это не плоскость, даже не емкость, заполненная образами и процессами. Это и не связь отдельных его «единиц», а *внутреннее движение*, включенное в общее движение деятельности, которая происходит в реальной жизни инди-

вида в обществе. *Деятельность человека и составляет субстанцию его сознания.*

С. Л. Рубинштейн

С. Л. Рубинштейн, вслед за Выготским и Леонтьевым, рассматривал возникновение сознания через труд и возникновение речи: «Благодаря орудиям труда и речи сознание человека стало развиваться как продукт общественного труда. С одной стороны, орудия как обобществленный труд передавали в овеществленной форме накопленный человечеством опыт из поколения в поколение, с другой стороны, эта передача общественного опыта, его сообщение совершалось посредством речи».

Однако, помимо размышлений о связи сознания и труда, традиционных для советской психологической науки, в книге «Основы общей психологии» Рубинштейн обращается к проблеме мифологического сознания. Так, он говорит, что всякий миф есть, по А. А. Потебне, словесное образование, состоящее из образа и значения. В свою очередь, А. А. Потебня полагает, что мифологическое мышление, в первую очередь, отличается тем, что образ как субъективное средство познания непосредственно вносится в значение и становится источником познаваемого. Миф же, по Рубинштейну, – это метафора, не осознанная как таковая [34].

Суммируя свои выводы о природе сознания, С. Л. Ру-

бинштейн пишет: «Сознание не покрывает психической деятельности человека в целом. Сознание, как и психическое вообще, служит для „регуляции“ поведения, для приведения его в соответствие с потребностями людей и объективными условиями, в которых оно совершается» [34].

Д. Н. Узнадзе

Д. Н. Узнадзе – психолог советского периода, при этом он сформировал теорию не только сознания, но и бессознательного. Само бессознательное Узнадзе называл установкой. Установка в теории Д. Н. Узнадзе превращается в центральное объяснительное психологическое понятие.

Исходный пункт психологии, согласно Д. Н. Узнадзе, составляют не психические явления, а сама личность. Поэтому психология должна исследовать в первую очередь личность как единое целое. Явления же сознания, изучавшиеся традиционной психологией независимо от личности, представляют собой лишь дальнейшие определения личности. При наличии потребности и средства ее удовлетворения у субъекта возникает особое состояние, которое можно характеризовать как склонность, направленность, готовность совершить акт, ведущий к удовлетворению потребности. Это и есть установка – готовность к совершению определенного действия. Установка, таким образом, является необходимым определяющим звеном между действием внешней среды и

психической деятельностью человека.

Любые психические процессы человека отличаются друг от друга тем, что в одном случае они сопровождаются сознанием, а в другом – лишены такого сопровождения; по существу же содержания эти психические процессы остаются одинаковыми: достаточно появиться сознанию, и бессознательное психическое содержание станет обычным сознательным психическим фактом.

По мнению Д. Н. Узнадзе, установка не отражается в сознании субъекта в виде какого-либо самостоятельного переживания, не является отдельным актом сознания и вообще феноменом сознания. Вместе с тем Узнадзе считает ненужным понятие бессознательного, так как внутренняя структура и сущность его остается нераскрытой и толкуется по аналогии с сознательными процессами. Однако при этом Узнадзе признает заслуги З. Фрейда в разработке проблем, связанных с бессознательным [43–46].

Узнадзе считал, что, зная функции, выполняемые бессознательным психическим, мы можем определить и форму его существования.

Сфера действия бессознательного психического настолько широка, что она лежит в основе всей активности человека, как внутренней, так и внешней. Концепция Д. Н. Узнадзе служит выяснению путей формирования структуры и функций этого бессознательного. В субъекте перед каждым актом его поведения возникает своеобразное динамическое состо-

ание – установка, которая, оставаясь бессознательной, целесообразно, в соответствии и со структурой, и с предметным содержанием данной ситуации направляет развертывание процессов сознания и актов практического поведения. После своей реализации в поведении и удовлетворения потребности данная установка перестает существовать, уступая место иной установке [43–46].

Таким образом, согласно взглядам Д. Н. Узнадзе и его учеников, бессознательное, лежащее в основе всей психической жизни и определяющее своеобразие процессов сознания, существует и действует в форме установок.

Представление о сознании в западной психологии

Психологи, такие как З. Фрейд, К. Г. Юнг, С. Гроф и др., создали многоуровневую теорию сознания, которая, в отличие от советской марксистской психологии, была символическим отражением реальности мира. Фрейд, Юнг, а потом и Гроф рассматривали психику человека через образы и символы. К. Г. Юнг писал, что каждое психологическое явление есть символ при допущении, что оно говорит или осознает нечто большее и другое, такое, что ускользает от современного познания. В настоящий момент западная психология широко известна и в России, широко издаются книги Фрейда, Юнга, Маслоу и других авторов, в Москве со-

зданы Институт психоанализа, ассоциации психоаналитиков и трансперсональной психологии, проводятся образовательные программы, семинары и конференции по данной тематике.

3. Фрейд

В сфере психического З. Фрейд выделяет три области: подсознание (*ид*), сознание (*эго*) и *Сверх-«Я»*, или надсознание (*Супер-эго*). Сознание оказывается, по существу, границей между *Ид* и *Супер-эго*, а в бессознательном выделяются две области. Подсознательное бессознательного выступает, с одной стороны, как природно-обусловленный компонент психики, а с другой – как компонент, содержание которого детерминировано прошлым опытом субъекта. Надсознательное бессознательного – это обусловленные структурой культурного пространства, в котором действует человек, факторы, неосознаваемые и нерегулируемые индивидуально психологически. Человек говорит, не отдавая себе отчета в закономерностях функционирования языка, принимает участие в политических акциях, обнаруживая впоследствии, что результатом их явилось то, что никак не входило в его намерения и цели, пользуется приборами, зачастую не подозревая о закономерностях, приведших к их созданию. Согласно этой теории, бессознательное содержит в себе лишь те стороны личности, которые вполне могли бы быть созна-

тельными и были подавлены только благодаря процессу воспитания. З. Фрейд также настаивал на том, что в добавление к вытесненному материалу бессознательное содержит в себе и все те психические компоненты, которые опустились ниже порога сознания [52].

Процессы, начинающиеся в неосознаваемой сфере, могут иметь продолжение в сознании. И наоборот, сознательное может вытесняться в подсознательную сферу. Взаимодействие сознательного и бессознательного может осуществляться согласованно, синергично или антагонистично, противоречиво, проявляясь в разнообразных несовместимых поступках человека, внутриличностной конфликтности.

Внесознательная сфера психики не является объектом рефлексии, самоотражения, произвольного самоконтроля. Сферу бессознательного З. Фрейд считал источником мотивационной энергии, находящейся в конфликте с сознанием. Запреты социальной сферы создают, по Фрейду, «цензуру» сознания, подавляют энергию подсознательных влечений, которые проявляются в невротических срывах. Стремясь избавиться от конфликтных состояний, индивид прибегает к защитным механизмам – вытеснению, сублимации (замещению) рационализации и регрессии. З. Фрейд утрировал роль подсознательного в поведении личности, а в сфере подсознательного – роль сексуальных влечений, темных сил природы. Он понимал подсознание как мощную сферу, влияющую на сознание. Но, в конце концов, Фрейд отказался от

понятия подсознательного в пользу бессознательного [52].

Он говорил, что на бессознательном основана наша индивидуальность, а иррациональное начало, которое заложено в бессознательном, питает творческую деятельность. Человек часто сталкивается с тем, что случайная ошибка или заблуждение неожиданно открывают ему совершенно новый взгляд на проблему.

Фрейд считал, что сфера бессознательного – это вытесненные, нереализованные потребности человека. Он внедрил понятия «Я» и «Оно», для различения которых предложил принимать во внимание закон их функционирования. «Я» действует в реальности и подчиняется физическим законам, социальным установкам и логике. «Оно» руководствуется субъективными потребностями биологического и аффективного характера [52].

Между «Я» и «Оно» нет резкой границы. «Я» способствует влиянию мира внешнего на «Оно», и для психической деятельности человека характерны постоянные переходы сознательного в несознательное и наоборот.

Фрейд указывал, что примером перехода сознательного в бессознательное может служить сон. Сновидения – более или менее яркие образы, которые переживаются спящим благодаря изменению его сознания. Сновидения возникают в результате работы отдельных незаторможенных центров коры головного мозга. Потому то, что мы видим во сне, базируется на уже пережитых раньше впечатлениях, которые со-

единяются между собой в многообразные, даже фантастические или абсурдные связи.

В работах Фрейда основной акцент делался на то, что решающую роль в жизни и поведении каждого человека играет бессознательная сфера, а сознание практически полностью состоит из ощущений и переживаний, которые мы осознаем в данный момент. По мнению Фрейда, сознание вмещает в себя только малый процент всей информации, хранящейся в мозге, и быстро опускается в область предсознательного и бессознательного.

К. Г. Юнг

В отличие от З. Фрейда, Юнг не только не противопоставлял сознание и подсознание, но считал, что сознание основано на глубинных пластах коллективного бессознательного, на архетипах – представлениях, сформированных у человечества в далеком прошлом. Человек, по Юнгу, самореализуется (обретает свою индивидуальность и уникальность) на основе подсознательных стремлений, которые сформированы и обусловлены коллективным подсознанием. Не мысль, не сознание, а чувство, подсознание говорят нам, что для нас хорошо, а что плохо. Под влиянием глубинных структур, врожденных программ, универсальных образов (символов) находятся все наши произвольные реакции. Перед человеком возникает проблема приспособления не только к внеш-

нему, но и к своему внутреннему миру.

В своих работах о соотношении сознательного и бессознательного Юнг ввел понятие психической субстанции.

Психическая субстанция состоит из двух взаимодополняющих и в то же время противопоставленных друг другу областей: сознания и бессознательного. Человеческое «Я» принимает участие в обеих областях.

На схеме 1 «Я» расположено между двумя областями, которые не только дополняют, но и компенсируют друг друга.

Схема 1. *Сознание и бессознательное по Юнгу*

Линия, разделяющая эти две области в рамках нашего «Я», может быть сдвинута в обоих направлениях – что показывают стрелки и пунктирные линии на рисунке. Конечно, положение «Я» в самом центре круга следует воспринимать как условность. Смещение разделительной линии вверх означает ограничение сознания, а вниз – его расширение.

Если же мы попытаемся оценить соотношение этих двух

областей, то увидим, что сознание составляет лишь очень малую часть нашей психической субстанции. Согласно антропологическим данным, сознание – относительно позднее объединение. «Оно подобно островку в безграничном океане бессознательного» [62]. На схеме 2 черной точкой в центре отмечено наше «Я»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.